

УДК 130.2:316.733

КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА: ПАМЯТЬ, ЗАБВЕНИЕ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Г.Л. Костров

ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва

DOI: 10.26456/vtphilos/2020.4.074

В последние годы одной из самых актуальных проблем общественной науки становится проблема культурной травмы. По этой теме выходят сотни статей, монографий. Чрезвычайно популярным является направление Cultural Studies. Как формируется культурная травма? Как превращается из коллективной, коммуникативной в культурную? Что представляют собой память, интерпретация, забвение, репрезентация? Какую роль в этом процессе играют репрезентанты, носители, создатели новых культурных смыслов? Как в культуре возникает новый смысл, который коренным образом трансформирует сознание, жизненный мир, социальные связи? Смысл открывается, обнаруживается как нечто данное, как «объективная реальность» или же выдумывается, строится по образцу мифа, сказки? Как выстраивается борьба интерпретаций смыслов, их сохранение, проработка, разрушение, забвение? Какое значение имеют в этом процессе репрезентации медиа, праздники, традиции, фильмы, сериалы, музеи, общественные дискуссии и пр.? В статье дан анализ этих проблем с позиций умеренного конструктивизма.

Ключевые слова: травма, память, забвение, медиа, репрезентанты, праздники, миф, смысл.

Историческое событие и память/забвение. Впервые понятие культурной памяти ввел немецкий историк Ян Ассман [2, с. 95]. Он выделил в коллективной памяти культурную и коммуникативную. Коммуникативная, по его мнению, охватывает воспоминания, которые связаны с недавним прошлым; те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками, к примеру, память поколения. Такая память возникает во времени и исчезает вместе со своими носителями, уступая место новой памяти. Исчезает социальная группа-носитель – исчезает и эта память. Например, сайт «Одноклассники» в Интернете посещают главным образом пожилые люди, занимающиеся обсуждением старых фотографий, на которых запечатлены их детство, юность, зрелость. Они делятся впечатлениями, эмоциями, воспоминаниями по привычной схеме: «в эту школу мы ходили, на этой лавочке мы сидели, на этой остановке ждали автобуса, на этом заводе, шахте, фабрике работали, в этом кафе пили пиво, а в этом лесу грибы-ягоды собирали». Школа, армия, свадьба, родственники. Каких-то глубоких выводов, широких социальных обобщений данная аудитория не делает. Понятно, что ретрансляция

подобного типа памяти возможна только на едином возрастном поле социальной группы. Коммуникативной памяти причастны все участники этой группы, они ее формируют и поддерживают, являются ее носителями. Уйдет из жизни это поколение – вместе с ним уйдет и коммуникативная память.

В отличие от коммуникативной, культурная память, по Я. Ассману, направлена на определенные, фиксированные моменты в прошлом. Прошлое сворачивается здесь в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание. Первичной формой всякой культуры воспоминания Ассман считает память о мертвых. Воспоминания, связанные с умершими, дают начало культуре памяти. Что остается от человека, когда он умирает? Кучка пепла или труп, пища для червей. Но в социуме индивид живет, его вспоминают. Есть ритуалы, традиции поминовения мертвых. Не случайно М. Мамардашвили как-то заметил, что культура начинается с плача по умершему. Культурная память – феномен коллективный, но коллективные воспоминания – не простая сумма индивидуальных воспоминаний. Это не просто данность, но социальная конструкция, тесно связанная с современностью, конструкция ценностная и смысловая. Прошлое – это не просто совокупность исторических фактов, но искусственный продукт, «общественная конструкция». Память отдельных людей не в полном смысле «индивидуальна», ибо всякий индивид осознает себя членом определенной группы и «вспоминает» в контексте ее памяти [16, с. 29].

Травма коллективная и культурная. Личную травму проживают, поэтому рассказывать о ней тяжело. Она нарушает «осознание времени, себя и мира» и позже проявляется во снах и воспоминаниях. Происшествие травматично, потому что его невозможно помыслить, оно противостоит пониманию, не может быть с легкостью встроено в существующие схемы понимания. Фрейд считал, что забывание – важнейший элемент процесса травмы, от происшествия до понимания. В конце XX в. в социальной философии произошел антиэссенциалистский поворот. На смену натурализму и эссенциализму пришел умеренный социальный конструктивизм. Подчеркивая, что реальные события имеют большое значение, он выстраивает альтернативу так называемому «натуралистическому» подходу. Мир, в котором мы живем, не есть данность, он – результат человеческой практики, жизненный мир. Практики, которые якобы уходят своими корнями в глубину веков, на самом деле сконструированы. И культурная травма всегда воображаема [4–6; 8].

Превращение коллективной травмы в травму культурную можно проследить на примере массовых изнасилований и использования женщин в качестве проституток в период Второй мировой войны. Массовые изнасилования на войне служат прежде всего средством демаскулинизации врага, являются неотъемлемым ритуалом военных действий. Как

подчеркивает С. Кин, «на символическом уровне победа не одержана до тех пор, пока враг не подвергнут унижению через оскорбление его женщин» [24, р. 129]. Казалось бы, изнасилование женщин является «нормой» в любой войне. Однако создание культурной памяти коренным образом меняет отношение к подобным событиям. Яркий пример – создание нового культурного дискурса в отношении корейнок, подвергнувшихся насилию в годы Второй мировой войны. Известно, что японцы поработили десятки, а возможно и сотни тысяч «женщин для утешения», в основном корейнок, которые оказывали услуги сексуального характера солдатам империи. Формирование нового культурного дискурса создает почву для культурной травмы, переоценки ценностей, выхода цивилизации на новый уровень развития. В тех случаях, когда в обществе есть консенсус относительно трактовки событий как травматичных, возникает культурная травма. Так, в Сеуле напротив японского посольства в 2011 г. была поставлена Статуя мира, олицетворяющая «женщину для утешения». 24 ноября 2017 г. парламент Республики Кореи установил 14 августа как День памяти «женщин для утешения». 24 сентября 2017 г. в американском городе Сан-Франциско прошла церемония установки памятника «женщинам для утешения». 28 декабря 2015 г. правительство Японии признало свою ответственность за сексуальную эксплуатацию женщин в годы Второй мировой войны и объявило о готовности выплачивать компенсации жертвам.

Культурную травму иногда пытаются замалчивать или вытеснять, она является предметом ожесточенных споров и общественных дискуссий, поскольку связана с коллективной идентичностью и моральной ответственностью. Культурная травма соединена с опытом переживания ужаса, трагедии, насилия, смерти, с их осмыслением, проработкой сознанием; она выстраивает священный, сакральный канон культурной памяти, обязательно включает в себя смысловые и ценностные элементы героического и трагического прошлого, значимые для культурной идентичности. В таком виде память можно передать последующим поколениям или другим социальным общностям.

Как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, определяющую роль в формировании систем представлений играет язык. Он может не только «конструировать крайне абстрагированные от повседневного опыта символы», но и «превращать» их в объективно существующие элементы повседневной жизни [3, с. 70–71]. Репрезентация – это процесс использования системы знаков, языка для производства значений и смыслов. Неспособность осмысления и выражения травмы не позволяет сделать ее культурным событием, механизмом изменения общества и формирования новой идентичности. Дж. Александер отмечает: «На уровне социальной системы общества могут переживать масштабные нарушения, которые не становятся для них травмирующими... Чтобы травма возникла на уровне сообщества, социальные кризисы должны стать куль-

турными кризисами. События – это одно дело, а репрезентация этих событий – совсем другое. Травма не является результатом того, что некая группа людей испытывает боль. Она есть результат острого дискомфорта, проникающего в самую сердцевину ощущения сообществом собственной идентичности. Коллективные авторы “решают” представить социальную боль как основную угрозу их пониманию того, кто они, откуда они и куда хотят идти» [1, с. 18].

Пробуждение общей памяти способствует обретению необходимого языка. Культурная память способствует формированию этнической, религиозной, национальной, социальной идентичности. Однако сплочение общества может быть и на основе культивирования беспамятства. Общество сплывается на основе борьбы против мифических внешних и внутренних врагов. История переписывается и становится историей сплошных побед и героического прошлого. Все неудачное и постыдное, неудобное и преступное предается забвению.

Нарратив как процесс производства смыслов. Э. Сантнер делит показания и мнемотехники, которые используются для описания болезненного опыта, на «работу скорби» и «нарративный фетишизм» [14]. Работа скорби – термин З. Фрейда. Это позитивный элемент проработки того, как мы можем относиться к репрезентации, как работаем с воспоминанием. Работа скорби – процесс переработки и привыкания к реальности утраты или травматического шока, процесс перевода, метафоризации, олицетворения утраты с помощью работы с поминовением, трауром, ритуальными мероприятиями и пр.

Нарративный фетишизм – это отказ от скорби, ситуация создания текстов, которые помогают нам не скорбеть. В основе нарративного фетишизма рассказывание историй о тех же самых травматических событиях, но уже в упрощенном контексте, в котором нам проще и легче жить. Такая репрезентация дает возможность отвлечься от проблемы, удалить травму из сознания. С ее помощью вытесняется горестный опыт, моделируется ситуация коллективного беспамятства, забвения.

Особенно тяжело осознать травму, которая нанесена людям своим собственным государством, такая культурная память формируется и подвергается осмыслению с большим трудом. Н. Эппле использует для характеристики подобной культурной травмы термин «неудобное прошлое» [22]. Если политический режим государства строится на насилии, на подавлении, на нарушении прав и свобод личности, то он, как правило, использует технологии нарративного фетишизма для оправдания своих действий. Так, например, если для одного человека репрессии, насилия, убийства, издевательства, совершенные советским государством в отношении собственного населения, – это повседневная и мрачная реальность прошлого, то для другого – просто миф, выдумка, происки врагов. Нарративный фетишизм дает возможность человеку забыть, стереть из памяти трагические события, подавить болезненные

воспоминания. Цель такого подавления – достичь культурного беспомыслия, амнезии.

Группы-носители. Травма нуждается в репрезентации. Чтобы разрушить молчание, нужно проделать работу скорби, выстроить дискурс, создать нарративы, определить ценности, найти смыслы. Этим занимается культурная элита, интеллигенция, интеллектуалы – художники, журналисты, писатели, социологи, политологи, историки, аналитики, блогеры и др. Именно они выступают в качестве творцов нарративов, репрезентантов, выражающих культурную память. Это своеобразный культурный авангард, носители нового сознания, новой культуры, новых смыслов. Группы-носители, репрезентанты представляют общественное сознание. Они не только выражают, но и формируют культурную память, конструируют ее. Если у них есть доступ к влиятельным медиаторам, в особенности к СМИ, то их интерпретации будут приняты обществом и в результате будет создана культурная травма [11].

Мы видим, что травма не существует от природы; она создается обществом. Общество может переживать масштабные нарушения, которые не становятся для него травмирующими. Общество может переживать масштабные катаклизмы, но эти проблемы, даже очень острые и существенные, далеко не всегда являются травмирующими. Чтобы возникла травма, социальные кризисы должны стать культурными кризисами. Нужно представить социальную боль как основную угрозу утраты своей идентичности.

Сообщества как таковые не принимают решения; решения принимают акторы, субъекты, личности, действующие лица, группы активистов. Эти люди передают символические представления, «заявления» о форме социальной реальности, о ее причинах и об ответственности за действия, которые подразумеваются этими причинами. Культурное конструирование травмы начинается с заявления о некоем глубочайшем увечье, с крика об ужасающем оскорблении святыни, с выстраивания нарратива об устрашающе разрушительном социальном процессе, с требования реагирования, компенсации, восстановления.

Группы носителей травмы как процесса делают заявления, создают смыслы, приобретающие общественный характер. Они могут принадлежать к элите или быть маргиналами, влиятельными религиозными лидерами или духовными изгоями. Группа носителей может выделяться по возрасту, противостоять как молодое поколение старому (студенческие революции 1968 г., выступления студентов на площади Тяньаньмэнь 1989 г.). Она может быть этнической, национальной, религиозной и натравливать собственный народ или конфессию на некоего предположительного врага. Она может носить классовый или групповой характер, представлять собой сегмент общества или организацию.

Травмы и медиа. Сегодня культурная память создается, как правило, с помощью работ писателей, художников, поэтов, кинематографиче-

стов, медиа. В России прорывы в общественном сознании связаны с публикациями работ писателей: А. Солженицына, В. Гроссмана, В. Шаламова, А. Чудакова и др. Важным вопросом становится возможность медиа выступать в качестве способа репрезентации травмы путем использования публичных пространств для обсуждения травматических проблем. В современном мире медиа играют ключевую роль в создании и распространении коллективных представлений об инциденте как о культурной травме.

Важнейшая часть символической политики – создание кинообразов. Кинематограф не только формирует массовую культуру, но и создает национальную мифологию и социальную идентичность. Так, например, в 2014 г. в Филях был открыт памятник в честь российских таможенников. На памятнике выбита фраза: «Я мзду не беру, мне за державу обидно!» [9]. Этот памятник непосредственно связан с кинообразом Павла Верещагина из художественного фильма «Белое солнце пустыни». Образ Верещагина часто используется как символ патриотизма, честного служения Родине. Этот же образ иногда используется для критики власти, ее вороватости, продажности, обоснования ее нелегитимности, если она ассоциируется с антинародным криминальным режимом. В 2019 г. Ю. Дудь выпускает документальный фильм «Колыма – родина нашего страха», в котором понятным для молодёжной аудитории языком рассказывает об истории ГУЛАГа. Фильм за месяц набрал на YouTube более 20 млн просмотров, что свидетельствует о пробуждении в обществе интереса к истории репрессий.

Кинематограф использует кинообразы для производства положительных или отрицательных настроений и эмоций, формирует представления и ценности. В 2015 г. Гузель Яхина публикует роман о раскулачивании 1930-х гг. «Зулейха открывает глаза». По этому роману в 2019 г. был снят 8-серийный фильм с Чулпан Хаматовой в главной роли. Действие романа разворачивается в 1930-е гг. в СССР. Его главная героиня – женщина из патриархальной татарской деревни, отправленная в Сибирь вместе с другими жертвами репрессий. Реакция зрителей на сериал по книге «Зулейха открывает глаза» была неоднозначной. «Я сейчас за этот сериал получаю такое количество проклятий и такое количество оскорблений [и обвинений] в том, что я не люблю свою родину, в том, что я оскверняю память о своей родине. Имеется в виду не только Татарстан, но и история современной России», – сказала Хаматова в эфире телеканала «Дождь» [13]. Сериал собрал негативные отзывы в соцсетях, в основном от сторонников СССР. Партия «Коммунисты России» заявила о намерении добиваться запрета на показ сериала.

В селе Красное Первомайского района Оренбургской области недавно установили памятник полковнику Тимофею Сладкову – одному из руководителей знаменитого Лбищенского рейда белых, в результате которого в сентябре 1919 г. погиб комдив Василий Чапаев. Уральские

казаки, поставив бюст на улице Чапаева, замахнулись на святое. Вне всякого сомнения, для многих россиян реальная историческая фигура Чапаева воплощена в кинообразе Бориса Бабочкина и романе Д. Фурманова. Чапаев – фигура сакральная. Сталин смотрел фильм «Чапаев» 38 раз, Путин назвал его своим любимым фильмом. Так яицкое казачество пытается создать свой образ исторических событий и подвергнуть критике «единственно правильную версию официальной отечественной истории» [21]. Благодаря этому коллективная травма получает репрезентацию, становится озвученной.

Культурная травма связана с символизацией исторических событий, с извлечением из них смысла, с их «проработкой». Если этой работы не происходит, коллективное сознание остается смутным, непроявленным, фрагментарным. В нем мысль не прививается. В этом основная причина распада общества на различные группировки по отношению к исторической памяти. Формирование культурной памяти требует создания нарративов о прошлом в учебных программах школ и вузов, освещения прошлого в СМИ, политики памятных дат, создания мемориалов, памятных табличек на зданиях, публичного осуждения государственного террора. Очень важна деятельность общественных организаций – «Мемориала», «Бессмертного барака», «Конгресса интеллигенции», музея истории ГУЛАГа и пр. Большую роль в этом процессе играют акции «Молитва памяти», «Стена скорби», «Последний адрес». Много лет подряд 29 октября в Москве проходит большая гражданская акция «Возвращение имен» – публичное чтение имен жертв политического террора в СССР. В последние дни октября подобные акции проходят во многих городах России и мира. Для успешного функционирования каналов правдивой информации необходимо обеспечить историкам свободный доступ к архивам, историческим документам, запретить цензуру и возрождение спецхранов.

Травма может стать мощным орудием монополизации общественного мнения, сакрализации, мифологизации, способствовать выявлению свидетелей, жертв, преступников, палачей. Культурная травма становится основой для формирования патриотизма – любви к Родине, в основе которой – любовь к истине. Однако действительность преподносит иногда удивительные сюрпризы. Например, православные в последние десятилетия нередко поднимают на щит тех, кто действовал по принципу «религия есть опиум народа» и убивал священнослужителей, разрушал церкви, насаждал атеизм, боролся с верующими. Пути для примирения и сплочения общества должны искать политики, государственные структуры, суд, прокуратура, общественные организации. Однако в действительности это происходит далеко не всегда. Государство часто пытается стереть из памяти неудобные смыслы, постыдные события, преступное прошлое. История при этом не только замалчивается, но и фальсифицируется. Властные структуры нередко замалчивают

«внутренние катастрофы», которые испытывало население СССР в XX в.: геноцид в отношении крестьян; трагедии репрессированных народов, убийства и репрессии в отношении ни в чем не повинных людей. Политика «реабилитации» часто строится по схеме: «я тебя убил, но ты оказался ни в чем не виноват. Поэтому я тебя простил». Жертвам репрессий часто выплачивается издевательская по форме и размерам компенсация. Так, в соответствии с Законом Российской Федерации от 18.10.1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» «лицам, подвергшимся репрессиям в виде лишения свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения и впоследствии реабилитированным, одновременно выплачивается денежная компенсация из расчета 75 рублей за каждый месяц лишения свободы или пребывания в психиатрических лечебных учреждениях, но не более 10 000 рублей» [10].

Закрываются архивы, засекречиваются исторические документы, вводится цензура, уголовное наказание за «искажения истории». Жертвы, бывшие палачи, потомки и тех, и других продолжают сосуществовать в одном обществе и после падения репрессированного режима. Необходимо решать вопросы, связанные с личной ответственностью и восстановлением прав тех, кто подвергся репрессиям. Память всегда избирательна, несовершенна, многое хочется забыть. Однако полностью забыть травму невозможно: даже вытесненная в подсознание, она продолжает свою разрушительную деятельность. Именно поэтому необходима культурная проработка травмы, успешная терапия, оплакивание, работа скорби. Аудитория должна иметь возможность определить виновника травмы и степень его ответственности. Помнить – значит не допустить повторения подобных травм в будущем.

Понятие культурной травмы предполагает, что ее субъектами являются не только очевидцы или участники самого травмирующего события, но и их потомки. Согласно М. Хирш, представители последующих поколений могут отождествлять культурные травмы с собственными воспоминаниями, порождая феномен «постпамяти» [17]. Постпамять устанавливает неразрывную связь между прошлым и настоящим, центрируясь вокруг определенных сообществ, причем медиа играют здесь ключевую роль. Например, просмотр фильма Стивена Спилберга «Список Шиндлера» (1993) о Холокосте или его же фильм «Спасение рядового Райана» (1998) способны привести к соотнесению себя и своего сообщества с показанными событиями, осуществлению ментального переноса исторической памяти через поколения. Фильмы могут быть историческими источниками, но могут кардинально исказить исторические события, создавать мифы о прошлом, фальсифицировать историю. Такими художественными фильмами являются, например, «Александр Невский» Сергея Эйзенштейна (1938) [20, с. 303–394] или «28 панфиловцев» Андрея Шальопы (2016).

Казалось бы, именно медиа обязаны соотнести акт репрезентации с самим историческим событием, чтобы воздействовать эмоционально на аудиторию и максимально убедить ее. Именно медиа (книга, статья, живопись, музыкальная композиция, телепередача, ролик в YouTube и пр.) дают голос травмированному сообществу, доносят до людей подробности травмирующего события и тем самым переводят травму в состояние общественной скорби. Однако репрезентация травмы осуществляется либо посредством «работы скорби», т. е. путем проработки травмы, припоминания, привыкания, либо путем методов «нарративного фетишизма», уничтожающего следы травматического события и саму потребность в скорби путем симуляции состояния целостности культуры. Так, например, премьерный показ знаменитого фильма Чарли Чаплина «Великий диктатор» (1938) – пародия на Гитлера – на советских экранах так и не появился, поскольку вызывал прямые ассоциации с политикой И. Сталина.

Д. ЛаКапра, анализируя стратегии репрезентации травмы, выделяет два ее вида – разыгрывание и проработку [25]. Медиа часто прибегают к разыгрыванию травм, чтобы обеспечить стабильный зрительский и пользовательский интерес. Вместе с тем они способны и сами создавать культурные смыслы, объяснять причины травм, вырабатывать личностный подход событию. Однако иногда медиа склонны к излишней драматизации, скандализации, чрезмерной эмоциональности. Роль взвешенного и спокойного анализа берут на себя аналитики, компетентные специалисты. Медиа часто подают событие как уникальное, исключительное. Задача специалистов, аналитиков, профессионалов, ученых рассматривать историческое событие в более широком политическом и культурном контексте.

Создание культурной травмы – это построение связей между травматичным инцидентом и другими пластами культурной памяти. Этот процесс требует постановки и ответа на следующие вопросы: что произошло? Кто является жертвой? Палачом? Преступником? Почему об этом следует говорить? Какие выводы из происшедшего необходимо сделать?

Мы часто сталкиваемся с феноменом энтропии. Помнить искусственно, забывать естественно. Сохранить в памяти – значит передать на откуп некоторому автоматизму, лишить тот или иной выбор его проблематичности, добиться рутинизации, высвободить потенциал системы для новых задач. Функция памяти и состоит в забвении, в трансформации нового и неожиданного в старое и известное, а значит, выходящего за пределы актуального внимания. Сознание всегда интенционально, оно выхватывает смыслы, но забывает контекст: что-то обязательно уходит, отодвигается на периферию, остается в тени, перестает быть актуальным, становится невостребованным. Помнить все невозможно. Память всегда выделяет определенный смысл, концентрируется на тех

или иных событиях. Культура как раз и представляет собой память общества, своеобразный механизм забвения/запоминания.

Люди нуждаются в том, чтобы разделять общую славу, гордиться достижениями, победами, страдать от поражений, вспоминать былое. Триумф тесно связан с трауром, памятью о мертвых. Совсем недавно многие города и улицы назывались в честь революционеро-террористов, которыми нужно было «гордиться». В городе Иваново существовала улица Боевиков, Рыбинск назывался Щербаковым, Пермь – Молотовым, Екатеринбург – Свердловском. Почти в каждом городе были улицы Маркса, Энгельса, Ленина, Коммунистическая, Советская, Первомайская, Пионерская, в скверах и площадях – огромное количество памятников Ленину. Возведение монументов, названия городов, улиц, сооружений нередко сопровождаются общественными дискуссиями. Можно ли возводить памятники князю Владимиру, Ивану Грозному или Сталину, если известно, что у них «руки по локоть в крови»? Стоит ли называть мост в Санкт-Петербурге именем Ахмата Кадырова?

Для формирования культурной памяти используются коммеморативные практики, проводится грамотная мемориальная политика: создание монументов, памятных табличек на жилых зданиях, введение новых праздников, формирование новых традиций, ритуалов, шествия, написание книг, создание фильмов, сериалов, публичных пространств обсуждения исторических проблем, уничтожение тоталитарной символики, захоронение останков жертв, компенсации и пенсии жертвам террора. Чтобы преодолеть и принять прошлое, часто нужно признать ответственность за преступления политического режима. Это должно сопровождаться публикациями документов о фактах преступлений, включением информации о преступлениях в школьные и вузовские учебные программы. Необходимо отмечать символические даты, выпускать кинофильмы, проводить интервью с учеными, создавать экспозиции в музеях. Культурная травма невысказана без героизации и сакрализации страданий жертв и осуждения действий палачей. Следовательно, необходимы обвинительные процессы, суды над преступниками, люстрация. Огромную роль имеет деятельность правозащитных организаций, прокуратуры, судов, всей правовой системы государства, структур гражданского общества.

Банализация, опошление травмы. В последние десятилетия все большей популярностью пользуется «мрачный туризм» (dark tourism), «танатотуризм» (thanatourism). Туристы любят посещать места насильственной смерти многих людей или своих кумиров. Стремительно растет количество посещений мест массовых захоронений, убийств, глобальных экологических катастроф, тюрем, концентрационных лагерей: Освенцима, ГУЛАГа, Чернобыля, Хиросимы и т. п. Турфирмы организуют экскурсии по кладбищам, моргам, камерам пыток. Такие места смерти и страданий содержат комплексные, стимулирующие «представ-

ления» памяти, почтения, коллективных печалей и эмоций. Они дают возможность осуществить ритуал скорби в память о смерти народа, вождя или кумира, обычно известного через медиа-образы. Через приход туристов и публичное выражение ими «почтения» происходит коллективное свидетельствование и формирование культурной памяти. Однако в процессе медиализации травмы возникает опасность превращения потенциально травматического события в китч, продукт, который может быть продан широкой аудитории. Например, элементом туристической индустрии становятся сувениры, открытки с видами этих тюрем, что переключает акцент с происходивших там событий на само понятие «памятное место» и потребность фиксации своего пребывания в нем. Престижно сфотографироваться на фоне камеры пыток и продемонстрировать друзьям фото: «Я здесь был». Травмы продаются, вписываются в индустрию производства впечатлений, туристического бизнеса, становятся элементом массовой культуры [7; 23].

Прошлое не существует вне социального конструирования, оно во многом выступает для нас «воображаемым прошлым». В символической политике огромна роль праздников, ритуалов. Праздник внушает нам, что данные традиции, ритуалы имеют сакральную ценность и в них невозможно сомневаться. Э. Хобсбаум обратил внимание на то, что многие традиции выдуманы недавно, хотя производят впечатление уходящих в бесконечность [19, с. 7–17]. Так, например, первоначально участие французской армии в праздничных мероприятиях было связано с сочувствием потери Эльзаса и Лотарингии. Изобретенные традиции времен Французской революции – Марсельеза, триколор – возникли сравнительно недавно [18, с. 47–62].

Целью изобретения традиций является внедрение определенных ценностей, норм и правил поведения. У изобретенных традиций связь с прошлым, как правило, фиктивная. Создание традиций или попытка вдохнуть в них «новую жизнь» иногда носят парадоксальный, эклектический, смешной, абсурдный характер. Так, в советские времена на Пасху в булочных появлялся кекс «Весенний». Вместо Масленицы устраивали «проводы зимы». Рождественскую елку большевики назвали «поповским» пережитком, но превратили ее в елку новогоднюю. Вместо Рождества придумали Новый год. Продолжением становится изобретение праздников и традиций в постсоветскую эпоху. Возникают новый гимн, новый герб, новый флаг. В 1995 г. в России возрождаются парады Победы. В 2005 г. возникает День народного единства, который празднуется 4 ноября – праздник «избавления Руси от поляков». Совсем недавно были изобретены Георгиевская ленточка, акция «Бессмертный полк». В последние годы возникла еще одна «древняя традиция» – в Крещение православные верующие часто купаются в проруби.

С 2008 г. православные празднуют День семьи, любви и верности, приуроченный ко дню Петра и Февронии. Праздник придуман как

ответ бездуховному Западу, который празднует День святого Валентина – день всех влюбленных. Но Петр и Феврония не были образцом крепкой семьи. Не было у них ни нормальной семьи, ни любви, ни верности, ни детей. Тем не менее в России на день смерти Петра и Февронии (8 июля) стараются назначать свадьбы, устраиваются торжественные мероприятия [15].

Изобретение праздников связано с возникновением конкуренции различных нарративов. Следует признать, что «современная российская власть не только не чурается эклектики, но и сделала эклектику стилем своей символической политики. Почти одновременно происходит перезахоронение, причем с почестями, генерала Деникина и возвращение в армию Красного знамени, перезахоронение философа Ивана Ильина, для которого Гитлер был предпочтительнее большевизма, и возврат к мелодии советского гимна» [12, с. 236–245].

Использование травмы для нагнетания агрессии, насилия, зла. Забвение травмы. Травма может иметь и разрушительный характер. Некоторые из самых ужасных событий в истории человечества случились потому, что некая группа придумала свою культурную травму. Так, одной из причин Холокоста стало то, что в Германии было широко распространено мнение: поражение в Первой мировой войне связано с происками евреев. Гитлер утверждал, что за поражением стоял международный еврейский заговор. В этом смысле Холокост был мстью немцев, основанной на обиде, неудовлетворенности решениями Версальского договора. Мы знаем, что Турция до сих пор не признала геноцид армян, и эта травма до сих пор недостаточно артикулирована международным сообществом. В современной России такой «придуманной» травмой является распад советской империи, «великой державы», которой можно было «гордиться». Разочарование крушением СССР порождает желание найти «врага», который во всем виноват, отомстить ему. Так формируется почва для распространения ксенофобии и фашизма.

Не каждое событие становится важным для обществ, и причины этого не всегда связаны с самим событием. Иногда трагические события, происходящие в мире, не приводят к формированию культурной травмы. Так, например, трагические события массового уничтожения людей – убийство в Руанде более пятисот тысяч тутси, учиненный военными этноцид двухсот тысяч индейцев майя в Гватемале, истребление «красными кхмерами»-маоистами почти трети всего населения Камбоджи, уничтожение трехсот тысяч человек японцами в китайском Нанкине, уничтожение миллионов людей в период сталинских репрессий в СССР – по тем или иным причинам прошли почти незамеченными, остались непроработанными, не стали культурным событием и трагическим уроком. По социальным, культурным, цивилизационным причинам группы носителей не нашли ресурсов, чтобы широко распространить свои заявления о травме. Не было создано достаточно убедитель-

тельных нарративов, или они не дошли до широкой аудитории. В результате этот трагический опыт не был осмыслен, озвучен, увековечен. Не появилось новых определений моральной ответственности. Границы социальной солидарности не расширились. Явления массового страдания не стали нарративами коллективного страдания для народов, не говоря уже о мире в целом, не превратились в культурную травму.

Процесс травмы можно сравнить с речевым актом. Цель говорящего – убедительно представить заявление о травме аудитории-общественности с целью убедить ее в том, что она травмирована неким исключительным событием. В случае успеха аудитория тех, кому адресовано заявление о травме, может расшириться и включить другие социальные группы. Чтобы убедить, нужно проделать успешную работу со смыслом. Аудитория сможет символически присоединиться к переживанию первоначальной травмы, только если жертвы будут представлены в терминах, описывающих их ценные качества, разделяемые социальной общностью. Так появляется возможность почувствовать боль других, выразить понимание, сочувствие, солидарность.

Список литературы

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журн. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры. 2004. 363 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 322 с.
4. Бондарева Я.В. Антропологические основы русской религиозной философии // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Философские науки». 2017. № 1. С. 75–82.
5. Бондарева Я.В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии середины XIX - первой половины XX века (статья вторая) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Философские науки». 2010. № 1. С. 23–27.
6. Бондарева Я.В. Методологические традиции всеединства и православного энергетизма в поисках онтологической целостности (к вопросу о методологических основаниях русской религиозной философии) // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Философские науки». 2011. № 3. С. 16–21.
7. Бондарева Я.В., Молчан Э.М. Духовно-нравственные ценности как вектор развития социальных систем // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Философские науки». 2019. № 1. С. 43–51.
8. Бондарева Я.В., Фурсова В.Э. Идея синергии как основа антропологии целостности // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Философские науки». 2015. № 2. С. 63–69.
9. В Москве появился памятник таможеннику Верецагину // Москва 24. [Электронный ресурс].

- URL:<https://www.m24.ru/articles/pamyatniki/28022014/38832> (дата обращения: 06.11.2020).
10. Денежные компенсации реабилитированным лицам за время пребывания в местах лишения свободы и за конфискованное имущество // Официальный портал правительства Ростовской области. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.donland.ru/activity/2058/> (дата обращения: 06.11.2020).
 11. Майкова Э.Ю., Бондарева Я.В. Будущее автономии личности как риск: способы самозащиты // Власть. 2015. № 8. С. 22–26.
 12. Малахов В. Изобретение традиции как мем и как черта социокультурной реальности: Эрик Хобсбаум и его соавторы в постсоветском контексте // Неприкосновенный запас. 2018. № 3. С. 236–245.
 13. Порываева Л., Тадтаев Г. Чулпан Хаматова об оскорблениях из-за сериала о раскулачивании // РБК. [Электронный ресурс]. URL:<https://www.rbc.ru/society/16/04/2020/5e984d7d9a7947dec34eb4e1> (дата обращения: 06.11.2020).
 14. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: Размышления о репрезентации травмы // Колонки: личный взгляд на историю и политику. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/author/santner> (дата обращения: 06.11.2020).
 15. Семенов А. Всё здесь происходит любя. Даже расправы. Таковы нравы // Псковская губерния онлайн. [Электронный ресурс]. URL:<http://gubernia.media/blogs/vse-zdes-proishodit-lyubya-dazhe-raspravv-takovu-nravu/> (дата обращения: 06.11.2020).
 16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина // М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
 17. Хирш М. Память и контрпамять будущего // Уроки истории XX век. [Электронный ресурс]. URL:<http://urokiistorii.ru/node/53865> (дата обращения: 06.11.2020).
 18. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестн. Евразии. 2000. № 1. С. 41–62.
 19. Хобсбаум Э. Массовое производство традиций: Европа, 1870-1914 // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2015. № 6 (104). С. 101–127.
 20. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000) /авторизованный пер. с нем. Е. Земсковой и М. Лавринович. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 589 с.
 21. Эдельштейн М. Сладков и пустота // Vot-tak.tv. [Электронный ресурс]. URL:https://vot-tak.tv/novosti/sladkov-i-pustota-mihail-edelshtejn-o-pamyatnike-kazaku-i-sluchajnom-bessmertii-charaeva/?fbclid=IwAR0ummsrcipFn5vP9zvbWV18K1WoDtvOW_6G7n1P5gO9pe2jZJYof2cu9P4 (дата обращения: 06.11.2020).
 22. Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛЮ, 2020. 576 с.
 23. Berkut V.P., Bondareva Y.V., Kostyukova T.A., Maikova V.P., Molchan E.M., Pesotsky V.A. The problem of society consolidation in the era of globalization: methodological and axiological aspects // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Т. 8, № 5. P. 263–281.

24. Keen S. *Faces of the enemy: Reflections of the hostile imagination*. San Francisco: Harper & Row, 1988. 199 p.
25. LaCapra D. *Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma*. Cornell University Press, 1996. 248 p.

CULTURAL TRAUMA: MEMORY, OBLIVION, REPRESENTATION

G. L. Kostrov

Moscow Region State University, Moscow

In recent years, one of the most pressing problems of social science is the problem of cultural trauma. Hundreds of articles and monographs are published on this topic. The direction of Cultural Studies is becoming extremely popular. How is cultural trauma formed? How does it turn from a collective, communicative into a cultural one? What are memory, interpretation, oblivion, representation? What role do representatives, carriers, creators of new cultural meanings play in this process? How does a new meaning arise in culture that radically transforms consciousness, the life world, and social ties? The meaning is revealed as something given, as «objective reality» or is it invented, built on the model of a myth, a fairy tale? How is the struggle between interpretations of meanings built, their preservation, elaboration, destruction, oblivion? What is the significance of media representations, holidays, traditions, films, TV shows, museums, public discussions, etc. in this process? The article analyzes these problems from the standpoint of moderate constructivism.

Keywords: *trauma, memory, oblivion, media, representatives, holidays, myth, meaning.*

Об авторе:

КОСТРОВ Геннадий Леонидович – аспирант кафедры философии ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, г. Москва. E-mail: shmc26@gmail.com

Author information:

KOSTROV Gennady Leonidovich – PhD student, Department of philosophy, Moscow Region State University, Moscow. E-mail: shmc26@gmail.com, 89164971267.